

Святейший Синод как инструмент реализации государственной политики церковного наследия в XVIII — XIX вв.

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Автор рассматривает Синод как орган государственного управления, в течение двухсот лет выполнявший функции государственного администрирования, а документы Синода — в качестве нормативных актов, прилагающих указы Сената к подведомственной Синоду церковноприходской жизни. Основываясь на документальных свидетельствах деятельности исследуемого имперского учреждения, автор анализирует его авторитет, функции и полномочия. Особое внимание уделяется формированию политики Синода в сфере охраны культурного наследия, ориентированной на задачи сохранения наиболее ценных реликвий.

Ключевые слова: внутренняя политика; культурное наследие; культурные ценности; церковь; государство; Синод.

Патриарший период в истории Русской православной церкви закончился со смертью патриарха Адриана в 1700 г. Имея намерение произвести реформу церковно-государственных отношений, Петр I не назначил нового патриарха, а поставил во главе Церкви знаменитого иерарха того времени, митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского. Если патриарх в решении церковных вопросов имел самостоятельность, то его преемник, местоблюститель патриаршего престола, обязан был советоваться с другими епископами — Освященным Собором. Кроме того, в соответствии с именованным указом от 24 января 1701 г., архиерейские дома и монастырские дела, находившиеся в ведении патриарха, перешли в ведение Монастырского Приказа. Историк-канонист М. И. Горчаков выдвигает обоснованное предположение: «Из сопоставления этого именованного указа с письмом прибыльщика Курбатова

можно видеть, что Петр давно уже намеревался взять от церковных учреждений управление их имуществами в ведение государства и что Курбатов указал Государю удобный момент для предположенной передачи. Так восстановлен был Монастырский Приказ в 1701-м году» [1, с. 122] (см. также [2, с. 36]).

В ведении местоблюстителя оставались только вопросы духовного управления, но «и в них он не был полновластен, светские лица <...> участвовали в выборах кандидатов на высшие духовные должности, <...> Пушкин объявлял митрополиту Стефану разные указы царя касательно церкви» [3, с. 3].

В 1711 г. учрежден Правительствующий Сенат, которому предоставлено в числе прочего ведение церковных дел [4]. Указом «О власти и ответственности Сената» от 2 марта 1711 г. Петр I повелел «как духовным, так и мирским, Военного и Земского управления высшим и нижним чинам» подчиняться

указам Сената «так, как Нам Самому, под жестоким наказанием или и смертию, по вине смотря» [5, с. 642—643].

В том же 1711 г. Освященный Собор вместе с Сенатом издал правила, упорядочившие церковноприходскую жизнь. Однако все Соборы, за исключением Собора 1714 г., созывались по инициативе государственной власти: «Церковная иерархия была как бы парализована в своем переходном состоянии. Движение исходило от светского правительства <...> со стороны церкви не было слышно самостоятельного голоса» [2, с. 92—93]. Сенат строил церкви, определял настоятелей в монастыри, принимал участие в избрании кандидатов на архиерейские кафедры. Показательным является поведение церковных и светских властей в 1716 г., когда из Киева в Петербург был вызван иеромонах Феофан Прокопович. Он явился к А. Д. Меншикову за указаниями [6, с. 25]. Тот, в свою очередь, сославшись на отсутствие царя, «послал в Сенат с вопросом: что решат о нем сенаторы?» [6, с. 25]. Сенаторы заявили, что будут писать о Феофане. Другими словами, государство пыталось управлять и церковным имуществом, и церковными делами: позиция церковных иерархов принималась во внимание только в том случае, когда соответствовала правительственным намерениям. Именно в таком русле проходил процесс по делу царевича Алексея, по делу Д. Е. Тверитинова.

Россия претерпевала последствия политической системы Средневековья, слияния светской и духовной власти. Такое положение, как пишет С. Г. Рункевич, «было с точки зрения исторической “естественным”, как возмездие со стороны государства за предшествовавшее вмешательство церкви в область государственной жизни» [2, с. 93]. Однако он же справедливо замечает: «С точки зрения

канонической положение это было неправильно». Из этого следует вывод, с которым также невозможно не согласиться: «С точки зрения церковной положение это было бедственно. С точки зрения государственной — вредно, потому что государство требует правомерно-го действия всех участвующих в нем сторон. Незаконное вмешательство государства в церковную жизнь ослабило силу собственного своего устоя, потому что ослабило силы церкви, всегда в России поддерживавшей государство <...> Все преобразовательные меры по духовной части, доселе предпринятые, исходившие не от духовной, а от государственной власти, были и недостаточно компетентны, и не довольно устойчивы, и носили случайный характер» [2, с. 93]. В результате сами меры не имели предполагаемого эффекта, Православная церковь лишилась былого авторитета, а государство «оказалось несостоятельным в исправлении того, что оно взяло от церкви для исправления» [2, с. 93].

Государственная политика Нового времени требовала упорядочения государственно-церковных отношений. В связи со сложившейся ситуацией возникла необходимость, с одной стороны, установить границы внутреннего церковного самоуправления, с другой стороны, ограничить вмешательство духовенства в светские дела, оградить государственное управление от влияния церкви, чтобы, по выражению Петра I, «патриарх <...> являлся только блюстителем веры, а не таможенным надзирателем за торговлею табаком» (приводится по: [2, с. 94]).

Кроме того, несомненно, важнейшая задача состояла в обретении в лице органов церковного управления верных и лояльных исполнителей государственной воли. По выражению Феофана Прокоповича, церковь должна была усвоить: «Священство есть особое сословие

в государстве, а не особое государство» [7, с. 36]. Новые формы управления требовали усовершенствования, по крайней мере более полного соответствия новому порядку вещей. Церковному правительству вменялось идти «рука об руку с правительством государственным по пути коренных преобразований сложившегося строя жизни, признанного несостоятельным» [2, с. 94]. Все эти задачи предполагалось осуществить путем учреждения Святейшего Правительствующего Синода.

В начале XVIII в. государство (в лице государя и правительства) в борьбе со злоупотреблениями светской или духовной властью использовало органы коллегиального управления. Впервые инициатива учреждения коллегиального органа в церковном управлении была высказана Петром в 1718 г. на докладе митрополита Стефана Яворского, местоблюстителя патриаршего престола. Митрополит поставил вопрос о необходимости решения многих накопившихся в духовном управлении вопросов и проблем, на что монарх ответил: «...а для лучшего впредь управления, мнится быть удобно Духовной Коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно» [8, с. 595]. Через полтора года после доклада митрополита Стефана молодой архиепископ Новгородский епископ Псковский и Нарвский Феофан Прокопович¹ сообщает другу в письме:

¹ Следует отметить, что Феофан Прокопович был не только одним из главных идеологов реформы церковного управления — он был одним из первых ее теоретиков-апологетов. В своих теоретических работах он последовательно доказывал, что церковное управление не нуждается в институте патриаршества, выступал против «фанатиков» — ревнителей старины, в каждой проповеди он разъяснял смысл и восхвалял результаты реформ Петра. Однажды он даже высказал мысль о том, что вся русская история до Петра есть одна небольшая брошюра по сравнению с книгой истории царствования одного Петра.

«Написал я для главной церковной коллегии регламент» [6, с. 47—48]. Регламент содержит восемь глав.

— Причины, по которым постоянное синодальное правление предпочитается управлению церковью одним лицом.

— Правила общие для христиан всякого чина.

— Правила для епископов.

— Правила для академии, семинарии, учителей и проповедников.

— Правила для пресвитеров, дьяконов и пр.

— Правила для монахов.

— Правила для мирян.

— Правила для самих президентов и ассессоров коллегии.

Духовный регламент сопровождается царским манифестом, текст его также составлен Феофаном Прокоповичем. Манифестом государь повелевал «всем верным подданным <...> духовным и мирским, имети сие [Духовную Коллегию] за важное и сильное правительство, и у него крайния дел духовным управы, решения и вершения просить, и судом его определенным довольствоваться, и указов его слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием» [9, с. 140].

Согласно Духовному регламенту, Духовная Коллегия стала органом власти, заменившим институт патриаршества (так, Н. И. Кедров говорит о «равнопатриаршеской» власти Синода [10, с. 95]). Однако следует признать, что Синод не задумывался Петром I как равный патриарху [11]. Духовная Коллегия была инкорпорирована в новую систему государственного управления — в систему уже созданных коллегий [12]. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: во-первых, название и порядок формирования нового учреждения; во-вторых, состав штата и названия должностей;

в-третьих, принесение членами Духовной Коллегии присяги (как в других государственных учреждениях) и общий порядок делопроизводства [11, с. 264].

Эти же факты подтверждают государственный характер нового высшего органа управления Церковью. Его создание осуществилось авторитарно, волей монарха: верховная государственная власть поставила духовную власть перед свершившимся фактом. Монарх поручил подполковнику Семену Давыдову и Златоустовскому архимандриту Антонию собрать подписи духовных особ. Согласно указу Сената от 9 марта 1720 г. «О собирании подписей епископов и архимандритов Московской губернии под текстом Регламента Духовной Коллегии», исполнитель должен был «предложить им указом Царского Величества, чтобы они, выслушав оной, подписали руками своими...». Текст Регламента с посылными рассылался всем духовным лицам. Указ предписывает: «А буде кто подписываться не станет, и у того взять за рукою, какой ради причины оной не подписывается» [13, с. 349]. Другими словами, сбор подписей исполнялся не для утверждения документа, а в целях ознакомления с волеизъявлением монарха. Регламент был подписан сенаторами, государем, шестью митрополитами, архиепископом, епископами (12 чел.), архимандритами (48 чел.), игуменами (15 чел.) и пятью иеромонахами. Всего собрано 87 подписей духовных лиц. 25 января 1721 г. государь подписал «Манифест об установлении Святейшего Синода». 27 января в Петербурге члены новой Духовной Коллегии принесли должностную присягу, а уже 14 февраля состоялось торжественное открытие Синода и «первое на местах своих по порядку заседание» [12, с. 498].

В подтверждение термина «правительствующий» Синод получил значительные полномочия и тем самым

выделился в ряду других коллегий [12, с. 498]. Согласно регламенту, к компетенции Синода относились следующие обязанности:

- наблюдение, все ли епископы, пресвитеры, прочие церковные служители, обучающие и учащиеся, мирские люди в делах духовных пребывают в своем звании;
- наставление и наказание погрешающих;
- цензура богословских сочинений;
- рассмотрение проектов преобразования устройства церкви, которые каждый волен представлять в Синод;
- освидетельствование новопроявляющихся мощей и чудотворных икон;
- суд над раскольниками;
- решение некоторых вопросов совести;
- освидетельствование кандидатов в епископы;
- рассмотрение жалоб на архиерейский суд;
- наблюдение за тратой церковных средств;
- защита подведомственных Синоду лиц в других судебных и административных органах власти;
- рассмотрение, совместно с Юстиц-коллегией, сомнительных духовных завещаний;
- упорядочение дела благотворительности;
- упорядочение взаимных отношений приходских священников и прихожан [14].

Кроме того, титул «Святейший» указывал на каноничность и высоту церковной власти [14, с. 316—319]. Поэтому Духовный регламент повелевал Духовную Коллегию «слушать во всем, под великим за противление и ослушание наказанием, против прочих Коллегий» [14, с. 314]. Особый смысл вкладывался и в эпитет «правительствующий». Как

отмечает А. В. Карташев, «Петр не побоялся по-новому взглянуть на рожденное им детище, понять его высокую природу и поставить его в системе государственной на высокую ступень рядом с Сенатом. Учреждения равного ранга сносились друг с другом не приказами и распоряжениями, а “ведениями”, т. е. “сообщениями к сведению”» [13, с. 356].

Создание Духовной Коллегии ознаменовало крутой перелом в истории церковно-государственных отношений. Карташев справедливо пишет: «Суть перелома заключалась в отрыве от обветшавшей формы средневековой теократии не только в ее острой форме римского папо-кесаризма, но и в смягченной форме византийского кесаро-папизма. На Западе процесс отрыва, оттолкновения, воплощавшийся в остро выраженной состязании двух властей, выявил с бесспорной ясностью и положительную его тенденцию: — свергнуть сакральный примат авторитета церкви и заменить его лаическим приматом авторитета государства и общей, светской культуры» [13, с. 314].

Вскоре после учреждения Синод проявляет заботу о сохранности церковных реликвий: распоряжения «О починке Ивановской колокольни» (17 апреля 1753 г.), «О пристойном хранении патриарших ризничных вещей» (1753 г.), «О соблюдении чистоты в церквах и о поновлении иконостасов и святых икон» (1753 г.) и другие акты. При этом в деятельности Синода по охране объектов культурного наследия церкви нашли отражение все особенности нового института управления церковью как органа государственной власти.

1. Как орган государственного управления, необходимый власти, Синод был новым институтом для русского общества, неведомым церковной канонике, и поэтому нуждался в легитимации.

Именно необходимость легитимации стала одной из причин решения Синода о старинных рукописях. 12 марта 1721 г. из патриаршей ризницы и печатного двора Синодом были затребованы древние рукописные патриаршие служебники. Переход рукописей в ведение Синода означал конец эпохи патриаршества и начало реализации Синодом полномочий в сфере исполнительной власти. Почти в то же время прекращено «возношение» патриаршего имени во время церковных служб². В патриаршей ризнице обнаружены четыре рукописи (на Печатном дворе служебников не нашлось). Харатейный служебник 1313 г., служебник патриарха Иова 1604 г. и еще две недатированные рукописи были доставлены в Петербург, в Синод.

Следующее волеизъявление Синода — указ, предписывающий разыскать оригинал Стоглава 1551 г. (сборник постановлений Московского церковного собора). На момент издания указа были известны только списки, причем некоторые экземпляры, составленные некорректно, содержали ошибки. Исполнители указа должны были «наведываться у известных книголюбителей и библиотекарей», Стоглав — быть описан и «под безопасным хранением прислан в Синод немедленно» [15]. Указ Синода от 6 марта 1722 г. содержал повеление ризничему Филагрию принять по описи и тщательно хранить Соборное уложение 1667 г., а также казну, книги и другие ценности, хранившиеся в бывшей патриаршей ризнице [16].

2. По замыслу Петра Синод стал политико-церковным учреждением, рядоположенным всякому другому государственному учреждению, прежде всего Сенату.

² «Если бы у нас продолжалось возношение патриаршего имени, то это могло бы повести и к соблазну; многие “непокорные” могли бы подумать, что синод подчинен патриархам или патриарху, и к ним переносить на апелляцию дело, решенное синодом» [2, с. 146].

Власть Синода, особенно в первые годы его существования, лишь оттеняла тотальность самодержавной власти. Даже в Духовном регламенте права и обязанности иерархической власти перечислены, но приписаны светской государственной власти, «дабы не было сомнения, что она все эти права и обязанности контролирует, как единственная власть верховная; хотя бы и светская» [13, с. 368].

То, что высший орган управления Церкви Священный Синод действовал в русле государственной политики, а распоряжения его часто следовали за предписаниями субъекта государственной власти и даже дублировали их, было своеобразным симптомом поглощения церковной власти властью государственной в императорской России. Например, в ноябре 1745 г. Сенат и Синод издали совместное постановление, регламентирующее порядок ремонта храмов (ремонт и перестройка помещений храмов и монастырей до этого велись бессистемно) и предусматривающее за нарушение административные санкции [17].

3. Духовные цели управления в период Петра I «приземляются»: стремление к ведению народа в Царствие небесное сменяется утилитарной заботой о пользе государства и подданных.

Духовенство, в частности члены Синода, «исполняет функции, входящие в сферу надзора и попечения государственного, другими словами, является служилым классом, выполняющим одну из функций государственных “на благо и на пользу общую”» [13, с. 326]. Некоторая пассивность и безынициативность Синода в отношении охраны церковных реликвий объясняется необходимостью защиты государственных нужд и интересов, в некоторых случаях не совпадающих с интересами Церкви.

Особенно часто противоречия зарождались в вопросах финансирования и имущественного управления. Как отмечалось, в XVIII в. государство было заинтересовано в контроле максимальной части церковного имущества, поскольку постоянно нуждалось в деньгах: «...взять от церковного имущества в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд» [2, с. 48]. Государство не тратило казенных средств на церковные нужды, не оказывало финансовой помощи епархиям. Соответственно, Синод мог издавать указы о «поновлении» имущества или призывать епархии и духовенство к достойному содержанию реликвий, однако как институт государственного управления отказывал им в финансовой помощи, исполняя тем самым волю государства.

Характерным для рассматриваемого периода является отказ в 1721 г. Вятскому епископу Алексею в средствах на ремонт «обветшалого соборного строения» [11, с. 272]. Не менее наглядна история с запросом Иоакима Ростовского. В 1731 г. после пожара в Ростове, в котором сгорели собор и архиерейский дворец, Иоаким просил «за ради пожара» оставить в Ростове все доходы архиерейской казны. Синод доложил о просьбе Иоакима Анне Иоанновне, которая благосклонно отнеслась к ней и приказала выделить средства на ремонт кафедрального Успенского собора и архиерейского дома из Синодального казенного приказа. Однако вскоре императрица узнала, что в Ростовской архиерейской казне осталось одиннадцать тысяч рублей личных денег предшественника Иоакима, Георгия, и отменила свое решение [11, с. 271].

За решение финансовых и имущественных вопросов архиереи несли личную материальную ответственность, для

них была введена система штрафов, как для светских и военных чинов, что приравнивало их к государственным служащим. Широкое применение штрафов, взысканий в виде выговоров епископам подчеркивало прогосударственный, а не процерковный характер политики, проводимой Синодом. Все это приводило к тому, что распоряжения Синода игнорировались или исполнялись «не за совесть, а за страх».

Синод применял дисциплинарные взыскания и административные санкции также к расхитителям церковных ценностей или к служителям церкви, проявившим небрежение. Так, в 1770 г. в Успенском соборе выявлена недостача церковной утвари, Синодом проведено расследование, виновный ключарь устранен от должности, его имущество конфисковано и распродано, а на вырученные деньги закуплена новая церковная утварь [18, с. 676—677].

4. Поскольку функции и полномочия Синода были определены Духовным регламентом крайне расплывчато и нечетко, распоряжения Синода часто носили резервный характер.

Члены Синода страдали своеобразным «комплексом неполноценности» из-за медленного процесса инкорпорирования в административную систему церкви и сложностей в налаживании должных отношений с епархиальными архиереями. Этим процессам никак не способствовало то обстоятельство, что Синод на протяжении всего XVIII в. являлся «лишним» органом: в целом организация и контроль любого дела, наказание за любое правонарушение могли быть осуществлены на уровне епархии епархиальным архиереем [13, с. 370—373].

Вместе с тем многие иерархи принимали власть Синода снисходительно и даже пренебрежительно, не теряя

надежды на то, что данная форма церковного управления окажется временной и сменится более привычной. Они часто игнорировали предписания Синода и постоянно нарушали новые правила ведения церковных дел. «Синод, искусственно созданный орган, всегда чувствовал свою неполноценность и поэтому всячески рьяно охранял свои привилегии и компетенцию от любых посягательств» [11, с. 269] — многие распоряжения и резолюции Синода в первой половине XVIII в. носили преимущественно запретительный характер. Также Синод был вынужден постоянно напоминать иерархам об ответственности за отчетность и правильное ведение делопроизводства. Даже С. Г. Рункевич, защитник реформ Петра, отмечал, что Синод «...с первых своих шагов стремился более всего упрочить свою “силу” и «...пользовался каждым случаем, чтобы напомнить, что он “важное и сильное правительство”» [2, с. 328—329].

5. Епархии, приходы, монастыри обладали значительной имущественной и финансовой автономией, и Синод должен был строить отношения с ними как с субъектами имущественного самоуправления.

Члены Синода и архиереи первоначально были вынуждены учиться взаимопониманию. Важное обстоятельство, во многом проливающее свет на сущность и содержание взаимоотношений церкви и государства (в лице Синода), а также на характер взаимодействия этих институтов в сфере охраны памятников культуры, состоит в следующем: согласно законодательству Российской империи, церковные организации — приходы, монастыри, архиерейские дома (епархиальные управления) — имели правоспособность юридических лиц и владели движимым и недвижимым имуществом на правах частной

собственности, которые в разные периоды могли быть ограничены, но не отменены государственной властью. Поэтому во многих решениях Синода просматривается стремление к централизации управления церковным имуществом. По мере роста влияния Синода очерчивался круг его компетенции и налаживались принципы взаимоотношений различных церковных инстанций с Синодом, все яснее обозначалась линия на централизацию. Синод последовательно издавал указы и распоряжения по инвентаризации и авторизации: описание церковных сокровищ, создание инвентарных списков [19], назначение лиц, ответственных за сохранность имущества, чтобы «в приличные времена чрез надежных людей осматривать должно, все ли так содержится и сохраняется, как предписано, но и повсегодно о целостности оногo св. Синоду доносить» [20, с. 47].

О постепенном укреплении синодальной власти в имущественной сфере свидетельствует решительное и жесткое распоряжение 1777 г., в котором Синод выступает в качестве органа нормотворчества, органа управления в сфере учета и контроля и судебного органа. После получения отчета архиепископа Московского Платона, курирующего ризницы в епархиях, о найденных вещах: «многие вещи в серебре, камнях и жемчуге состоящие» и «без них обойтись удобно можно», Синод приказал передать эти предметы на хранение в Мастерскую и Оружейную конторы в Москве. В 1782 г. Синод предписал назначить в епархиях «нарочных духовных персон» для наблюдения за исполнением синодальной воли. Им вменялось в обязанность отправлять в Синод ежегодный рапорт о положении дел с исполнением в епархиях указа № 1357 «О соблюдении чистоты в церквах...» [21].

б. Синод выступал не только «дублером» государственных органов, исполнителем государственной воли, но и субъектом формирования направлений политики в культуроохранной сфере.

Особенность синодальной политики в сфере охраны культурного наследия проявилась в том, что Синод и духовенство уделяли минимум внимания художественной стороне церковных ценностей. Поскольку икона в православии понимается не как живописное произведение, а как особая форма открытия Божественной реальности — обретения Божественного откровения верующими, преображения, — она не воспринималась духовенством как объект, представляющий самостоятельную, тем более художественную, ценность. Согласно тексту Духовного регламента, в компетенцию Синода входили вопросы, связанные только с авторизацией святынь: «...удостоверение в подлинности чудес, наблюдение за тем, чтобы не было ложных мощей, чудотворных и явленных икон и других подобных предметов» [2, с. 293]. Действуя в рамках компетенции, Синод ориентировался на задачу сохранения реликвий как «чудотворного инструмента откровения», духовных ценностей, практически не принимая во внимание, что каждая из реликвий представляет собой артефакт, имеющий ценность иного характера: историческую или художественную. Так, указ о запрещении износить из костромского Успенского собора чудотворную икону Божией Матери, именуемую Федоровской, изданный Синодом в 1742 г., предписывает исполнителям осторожно относиться к иконе, под страхом штрафа не выносить из храма, «кроме знатных крестохождений», «чтоб за ветхостию оной святой чудотворной иконе от частых хождений не учинилось бы какого наивящего повреждения» [22, с. 27].

Этот подход, не претерпевший существенных изменений, отражает и указ, изданный Синодом через полтора века после указа о Костромской иконе, 29 апреля 1893 г., «О необходимости мероприятий к ограничению допускаемого ныне произвола в изнесении из обителей и приходских церквей особо чтимых святых икон». Характерным для политики Синода было «упорядочение». Епархиальные власти обязывались сообщить в Синод о всех имевшихся особо чтимых святых иконах и предпринять меры «к ограничению допускаемого ныне произвола в изнесении из обителей и приходских церквей особо чтимых святых икон» [23]. Таким образом, «не особо чтимые иконы», среди которых наверняка имелись иконы значительной художественной ценности, не представляли интереса для Синода как объекты особой охраны. Вместе с тем и «особо чтимые» иконы лишь упорядочивались в использовании.

Не удивительно, что реставрация («поновление») икон и фресок, в том числе почитавшихся как чудотворные, также осуществлялась без учета значимости художественной ценности живописи. Часто олифа, которую использовали в качестве закрепителя, темнела от времени и копоти, а краски тускнели. Как правило, поврежденный живописный слой иконы или фрески «записывался» новым слоем краски. Так, икона Федоровской Божьей Матери в XVIII в. «поновлялась» (записывалась) трижды [24].

Догматическое, «благоепное» отношение к реликвиям Церкви, имеющим чудотворную силу, а также к другим художественным произведениям как «проводникам» Божественного откровения приносилось в повседневную службу высшего духовенства и членов Синода посредством нормотворческой деятельности. Издание синодальных предписаний, строгих назиданий, введение

системы штрафов имело цель добиться от непросвещенного духовенства именно *благоепного* отношения к храмам, иконам и фрескам. Так, в 1744 г. Синод повелел московскому архиепископу Иосифу, чтобы «святые церкви особливим оных священнослужителей и монастырских настоятелей рачительством во всякой чистоте и подобающем церковном благолепии были содержаны» [25, с. 212]. Поскольку данное распоряжение исполнялось недобросовестно, в 1753 г. был издан указ «О соблюдении чистоты в церквах и поновлении иконостасов и святых икон» [25], обязательный для исполнения во всех российских храмах и монастырях.

Таким образом, предписания Православной церкви уже в XVIII в. содержат такой подход, в рамках которого исполнители воли высших иерархов должны были рассматривать артефакты не как произведения искусства, а прежде всего как святыни. «Светское» толкование икон считалось оскорбительным для клиров. Институт Церкви, оберегая святость икон, сохранял основы православного вероучения. В подобной политике Синода церковные ценности, будучи в юридическом плане имуществом, оказались выведенными за пределы экономических и социальных отношений. В политике Церкви получил проявление только один «светский» аспект — материально-имущественный. Следует отметить, что такого подхода к охране икон и фресок Церковь придерживается и по сей день.

7. Орудие радикальной реформы Петра I, Синод «выводил» Русскую православную церковь за границы средневековой национальной замкнутости к образованию, просвещению и новой богословской культуре, аналогом которой можно считать явление европейского протестантизма.

Этот путь был длительным и болезненным, многие представители духовенства находились в открытой оппозиции

к имперской политике либо выказывали консерватизм и косность. Тем не менее Русская православная церковь «быстро стала самой высокой, самой сильной частью, можно сказать, даже гегемоном всего Восточного Православия. И это потому, что она стала в достаточной мере научно оборудованной для состязания и сотрудничества с западными христианскими церквями, до сих пор смотревшими на христианский Восток сверху вниз, опираясь именно на свое научно-культурное превосходство. С этой точки зрения слишком крутая, до болезненности революционная реформа Петра В. была благодетельным страданием для Русской Церкви, стимулировавшим ее творческие силы» [13, с. 318]. Важно отметить, что в деятельности Синода в области просвещения, создавшей условия для просветительно-богословского подъема сил русского церковного общества, плодотворно сопрягались творческие силы духовенства и мирские — ученых, художников, представителей светской культуры.

В XVIII в. зарождались и упрочивались новые культурные, просвещенные формы жизни Русской церкви. Государственные указы в начале XVIII в. отражали радикальный характер новой культурной политики. Императивом стал курс на образование тех сословий, которых государство хотело видеть просвещенными. Так, еще в досинодальный период, в 1708 г. (15 января), был издан указ, обязывающий детей попов и дьяконов проходить обучение в греческих и латинских школах. К нарушителям применялись строгие санкции: «А которые в тех школах учиться не похотят: и их в попы и во дьяконы, на отцовы места и никуда посвящать, и в подьячие и в иные ни в какие чины, кроме служилаго чина, принимать не велено» [26, с. 401]. В последующие годы данный

указ «закреплялся» другими нормативными решениями. Когда в 1718 г. префект славянолатинских школ Москвы пожаловался, что «школьный двор в развалинах и запустении» [2, с. 48], государь велел «школы и школьный двор починить и очистить, в Спасском монастыре кельи построить каменные, иконный ряд от монастырских до школьных ворот отдать в тот же монастырь и перестроить его на кельи» [27, ст. 233]. Рункевич иронично замечает: «Вероятно, для сообщения большей энергии училищной администрации, славянолатинские школы, кроме хозяйственной части, в 1718 году подчинены монастырскому приказу еще “судом и расправою”» [2, с. 48—49].

С учреждением Синода Духовная Коллегия стала инструментом государственной политики просвещенного абсолютизма и просвещенного православия. Академия наук и Синод стимулировали духовенство и монашество к образованию и просвещению, в том числе в художественном направлении. Государство хотело видеть в архиереях не столько пастырей и церковных владык, сколько прямых исполнителей воли вышестоящих инстанций, выразителей государственного стремления к благу подданных: просвещение должно было пониматься как благо. Синод в довольно жесткой форме требовал в 1747 г. от епископа Суздальского Симона создать в епархии собственную семинарию, невзирая на бедственное финансовое положение кафедры и отсутствие квалифицированных преподавателей [11, с. 271].

22 марта 1759 г. Синод издал указ «Об учреждении в архиерейских домах и монастырях ремесленных и художественных школ для приготовления собственных своих мастеров» [28]. В этой деятельности Церковь получила значительную поддержку и «стимуляцию» со стороны государства: Академия наук

обучала будущих специалистов «безо всякой платы». Кроме того, в 1761 г. для обучения присланных из епархий кандидатов Синод пригласил «иконописного и живописного художества» мастера Алексея Антропова [29]. Несмотря на эти меры, в силу особенностей догматического вероучения Церковь крайне медленно и неохотно пересматривала подходы к осуществлению мер по охране имущества, имеющего художественную ценность, и к его реставрации.

Синод выступал также как орган организации учета и контроля ценностей. Так, 7 апреля 1775 г. издано определение «О свидетельствовании и порядке хранения ризниц в Москве и прочих епархиях и соборах и монастырях», в соответствии с которым каждые пять лет следовало проводить описи Успенской, Благовещенской и Синодальной ризниц с целью выявить «драгоценные редко употребляемые вещи»; хранить их в опечатанном виде, «никаких ризничных вещей, на которых есть жемчуги, камни, и также окладов <...> без дозволения св. Синода или синодальной конторы, а в епархиальных монастырях без дозволения епархиальных архиереев не переделять» [30, с. 51].

Политика и исполнительная деятельность Синода характеризуются как довольно реалистичные: большинство предписаний основано на трезвом, свободном от идеализации представлении о добросовестности и уровне образования духовенства. Так, исполняя определение Академии наук 1759 г., касающееся описи всех церковных и монастырских зданий и сооружений, Синод издал указ «О присылке планов в Синод на монастырские и церковные здания» и обратился к Академии с рекомендацией направить в монастыри специалистов. Рекомендация мотивирована следующим образом: «...в таком деле

искусных людей при Синоде, архиерейских домах, монастырях не имеется» [31, с. 362]. Непросвещенность духовенства и монашества подчеркивается также положением документа, указывающим: если описи будут найдены (на что авторы документа почти не рассчитывали), их следует высылать в Синод. Из указа видно, что духовные власти соглашались удовольствоваться копиями описей и полагались на компетентность специалистов Академии.

Таким образом, деятельность Синода по охране объектов культурного наследия полностью находилась в русле государственно-административного подхода к осуществлению политики в отношении культурно-исторического наследия. В этой деятельности реализовывалась камеральная функция государства, заключающаяся в заботе о пользе и благе людей и институтов (церкви и государства). Несмотря на политический прагматизм и, в определенном смысле, религиозный утилитаризм, эта деятельность тем не менее может считаться прогрессивной по отношению к пассивности церкви предшествующего периода, поскольку в ней отражается пробуждение интереса институтов к политическим функциям культурного наследия, проявившееся в плодотворном синтезе светского и религиозного подходов к зарождающейся культурной политике.

Литература

1. **Горчаков М.** Монастырский приказ (1649—1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. СПб.: В тип. А. Траншеля, 1868. 451 с.
2. **Рункевич С. Г.** Учреждение и первоначальное устройство святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1725 гг.). СПб.: Тип. Лопухина, 1900. 429 с., [II]. (Исторія Русской Церкви подъ управленіемъ Святѣйшаго Синода; т. 1).
3. **Попов В. И.** О Святейшем синоде и об установлениях при нем в царствование Петра I (1721—1725): историко-юридическое исследование. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 98 с.

4. 1711 г. февраля 22. Указ об учреждении Правительствующего Сената и о персональном его составе // Российское законодательство X — XX вв.: в 9 т. / Отв. ред. А. Г. Маньков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. С. 171—173.
5. Указ именной, данный Сенату «О власти и ответственности Сената» от 2 марта 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. IV: С 1700 по 1712. СПб., 1830. С. 642—643.
6. **Чистович И. А.** Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1868. X, 751 с.
7. **Прокопович, Феофан (архиеп.).** Феофана Прокоповича Архиепископа... слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные собранные и некоторым вторым тиснением, а другие вновь напечатанные. СПб.: [Тип.] при Сухопутн. Шляхетн. Кад. Корпусе, 1760—1774. Ч. III. 1765. [8], 352 с.
8. Высочайшая резолюция на доношение Рязанского митрополита Стефана от 20 ноября 1718 г. № 3239 // Полное собрание законов Российской империи. Т. V: 1713—1719. СПб., 1830. С. 594—595.
9. Реформы Петра I: сб. документов / Сост. В. И. Лебедев. М.: Соцэкгиз, 1937. 379 с. (Документы и материалы по истории народов СССР).
10. **Кедров Н. И.** Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М.: Вь Университ. тип. (М. Катковъ), 1886. VI, 255 с.
11. **Закржевский А. Г.** Святейший Синод и русские архиереи в первые десятилетия существования «церковного правительства» в России // Нестор. 2000. № 1. С. 263—274.
12. **Верховской П. В.** Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. I: Исследование. Ростов н/Д, 1916. CLXXVIII, 686 с.: 1 л. прил.
13. **Карташев А. В.** Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Репринт. воспроизв. Т. 2. М.: Terra, 1992. 570, IV с.
14. Регламент или Устав Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. № 3718 // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI: 1720—1722. СПб., 1830. С. 314—346.
15. Указъ св. Синода «О тщательном розыскании подлинной рукописной книги Стоглава и о присылкѣ ея, буде отыщется, въ св. Синодъ, для храненія въ архиве» отъ 15 іюля 1723 г. // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. III (1723). СПб.: Синод. тип., 1875. № 1074.
16. Указъ св. Синода «О порученіи синодальному ризничему Филагрію принять по описи и тщательно хранить соборное изложене, ризничную казну, всякія книги и разныя вещи бывшей патриаршей, нынѣ синодальной, ризницы» от 6 марта 1722 г. // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. II (1722). СПб.: Синод. тип., 1872. № 462.
17. Сенатский указ «О исправлении в городах казенных зданий без отлагательства, коль скоро замечена будет ветхость» от 24 июня 1745 г. № 9180 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XII: 1744—1748. СПб., 1830. С. 409—411.
18. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 50 (1770 г.). Петроград, 1914. VII, 1146 с.: табл.
19. Синодский указ «О ведении во всех Ставропигиальных и Епаршеских монастырях порядочных описей всему церковному и монастырскому имуществу» от 25 июня 1771 г. № 13.621 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX: 1770—1774. СПб., 1830. С. 281.
20. Из указа св. Синода № 36, 1771 г. января 14, о предписании московской синодальной конторе проверить описи церковных вещей Кремлевских соборов и патриаршей ризницы // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 46—47.
21. Указъ св. Синода «О наблюденіи чистоты въ церквахъ и о поновленіи иконостасовъ и святыхъ икон» от 12 ноября 1753 г. № 1357 // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. IV: 1753 — 28 іюня 1762 гг. СПб.: Синод. тип., 1912. С. 46.
22. 1742 г. августа 10. Указ св. Синода о возобновлении чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Федоровскою, находящейся в костромском Успенском соборе, с запрещением износить сию икону из собора и о присылке в св. Синод с этой иконы привесных вещей // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 27—28.
23. Указ св. Синода «О необходимости мероприятий к ограничению допускаемого произвола в изнесении из обителей и приходских церквей особо чтимых святых икон для совершения молебствий в селениях и городах» от 29 апреля 1893 г. // Циркулярные указы святейшего Прав. Синода 1867—1895 гг. / Собр. и изд. А. Завьялов. СПб.: [Б. и.], 1896. С. 257.

24. **Лествицын В. И.** Записки изографа Василия Никитина. 1745 год // Ярославские губернские ведомости. 1882. № 17/18. С. 228—232.

25. Указъ св. Синода «О содержаніи въ чистотѣ и благолѣпіи церквей Московской епархіи» от 10 сентября 1744 г. № 725 // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. II: 1744—1745 гг. СПб.: Синод. тип., 1907. С. 211—212.

26. Указъ именной, объявленный из Монастырскаго Воинскому приказу «Об определеніи поповскихъ и диаконскихъ детей в Греческіе и Латинскіе школы, о непосвященіи в попы и диаконы тех, которые учиться в оныхъ школахъ не пожелаютъ, и о неприниманіи ихъ ни в какіе чины, кроме воинской службы» от 15 января 1708 г. № 2186 // Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Т. IV: С 1700 по 1712. СПб., 1830. С. 401.

27. **Соловьев С. М.** История Россіи с древнейшихъ временъ. Книга четвертая. Т. XVI — XX. 2-е изд. СПб.: Изд. Т-ва «Общественная Польша», 1896. 842 с.

28. Указъ св. Синода «Объ учрежденіи въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, кроме Малороссійскихъ, ремесленныхъ и художественныхъ школъ, для приготовленія собственныхъ своихъ мастеровъ» от 22 марта 1759 г. № 1632 // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. IV: 1753 — 28 іюня 1762 гг. СПб.: Синод. тип., 1912. С. 376—378.

29. Определеніе св. Синода «О принятіи иконописнаго и живописнаго художества мастера Алексѣя Антропова въ ведомство Святѣйшаго Синода, съ жалованьемъ по шестисотъ рублей въ годъ, и о порученіи ему надзора надъ живописцами и иконописцами» от 21 декабря 1761 г. № 1738 // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. IV: 1753 — 28 іюня 1762 гг. СПб.: Синод. тип., 1912. С. 503—505.

30. 1775 г. апреля 7. Из определенія св. Синода о свидѣтельствovanіи и порядкѣ хранения ризницъ в Москвѣ и прочихъ епархіяхъ и соборахъ и монастыряхъ // Сохраненіе памятниковъ церковной старины в Россіи XVIII — начала XX вв.: сб. документовъ / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 50—51.

31. Синодскій указъ «О присылкѣ плановъ в Синод на монастырскіе и церковныя зданія» от 19 іюля 1759 г. № 10.975 // Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Т. XV: С 1758 по 28 іюня 1762. СПб., 1830. С. 362—363.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политическихъ наукъ, профессоръ кафедры философіи, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ.
E-mail: rast-v2012@yandex.ru